

Заговорные тексты в немецких судебных актах XVI–XVII вв.: прагматический аспект языкового варьирования

В. И. Карпов

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); wi.karpow@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности оформления судебных документов, составленных в рамках ведовских процессов в Германии в конце XVI — первой половине XVII вв. Для анализа привлекаются протоколы, включающие заговорные тексты как главную улику против обвиняемых в колдовстве. Появлению заговоров в протоколах предшествовал длительный этап нормирования судебной практики и письменного узуса в местных канцеляриях. В публикуемой статье делается акцент на выявлении специфики канцелярского языка судебных документов, а также на описании феномена кодового переключения — с немецкого языка делопроизводства на местный диалект и обратно — в заговорах как структурных элементах протоколов допросов. С этой целью выбор материала ограничен одним диалектным ареалом — нижненемецким, временной отрезок совпадает с последней фазой ранненововерхненемецкого периода в истории немецкого языка, связанного с формированием общенационального языкового стандарта. Источником служат как опубликованные протоколы допросов рассматриваемого периода, так и заговорные тексты из немецких архивов, которые ранее не публиковались.

Ключевые слова: текстология, история языка, диалектология, фольклор, заговорный текст, переключение кодов.

Charms in German judicial acts of the 16th–17th centuries: pragmatics of language variation

Vladimir I. Karpov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
wi.karpow@gmail.com

Abstract. The paper proposes a linguistic analysis of interrogation files from witch processes of the late 16th—the first half of the 17th centuries in Germany. It focuses on documents that include charm texts as core evidence against those accused of witchcraft. Charms formulae were largely recorded in judicial acts as additional corroborative material evidence of socially dangerous practices by a given group of individuals. However, before charm texts found their way into interrogation files as official evidence, local offices had had a hard and long time to both standardize their judicial practices and normalize the paperwork. The transition to the national language standard initially caused massive confusion as court officers would spontaneously switch from Standard German to the local dialect in their paperwork. This competition between Standard German and local dialects gave rise to medial diglossia, with the choice of a given linguistic variant contingent on a variety of factors. In many cases, witchcraft trial materials would be sent to law faculties of universities or to higher jurisdiction courts of imperial cities for legal assessment of the offenders' testimony. This made it necessary for court recorders, instead of putting the evidence down directly in the local dialect, to translate it into the established official bureaucratese. The most intricate task was for the recorders to translate the defendants' replies and the charms' formulae, naturally given in the local dialect. The paper describes the phenomenon of code-switching as evidenced in court records featuring charms as their structural elements. In gathering the data, the focus was on the Low German dialect area and the last phase of the Early New High German period.

Keywords: textual criticism, history of language, dialectology, folklore, charms, code-switching.

1. Введение

Наше внимание привлекли заговорные тексты в составе судебных документов, скомпонованных в ходе судебных процессов против ведьм на территории Германии. Акты ведовских процессов являются ярким свидетельством стигматизации части населения по обвинению в колдовстве. С особым размахом вылавливают и судят ведьм в немецких землях, которые в силу феодальной раздробленности сохраняли известную автономию в вопросах административного управления и правосудия. Местные суды сами определяли ход судебного разбирательства, допустимость пыток при дознании, необходимость привлечения дополнительных свидетелей и весомость улик, подчас игнорируя неодобрение со стороны императорской власти и Ватикана [Quensel 2017: 157, 168]. Заговоры как ключевая улика появляются в актах не с самого начала «охоты на ведьм», а ближе к пику второй волны преследований, когда исходная доказательная база постепенно истощается и требуются новые вещественные доказательства социально опасной деятельности стигматизированной группы лиц.

По свидетельству Макса Зиллера, первые полнотекстовые версии заговоров фиксируются в судебных бумагах в 80–90-е годы XVI в. [Siller 1982: 139–140]. В предшествующие десятилетия дознаватели записывали те фрагменты, которые в явном виде указывали на связь подсудимых с демоническими силами и на умышленное причинение вреда окружающим и их имуществу. Появлению заговоров в протоколах предшествовал длительный этап формирования судебной практики ведовских процессов, который подкреплялся еще и профанным интересом к сфере магического врачевания. Печатные сборники по медицине включали заговорные тексты, тиражирование делало их доступными массовому читателю, а некоторые осужденные признавались, что сами изготавливали и распространяли книжицы с заклинаниями. Многочисленные пародии, которые мы находим в литературных памятниках XVI–XVII вв., свидетельствуют о популярности подобных текстов среди публики. Мы допускаем, что и при составлении судебных актов протоколисты зачастую обращались

к раннепечатным медицинским компиляциям как к источникам заговорных текстов, которые они впоследствии вписывали в протоколы допросов (ср. [Siller 1982: 140]). Какие факты языковой истории могли бы свидетельствовать об этом, с какими трудностями сталкивались протоколисты при фиксации устных высказываний, мы постараемся продемонстрировать ниже на примере протоколов, подготовленных в конце XVI и первой половине XVII в. на севере Германии и содержащих заговорные тексты.

2. Язык судебного делопроизводства и протоколов следствия

Рассматриваемый временной отрезок — с 1580 по 1650 гг. — совпадает с последней фазой ранненововерхненемецкого периода в истории немецкого языка, связанного с формированием общенационального языкового стандарта. Письменная норма в значительной степени сложилась благодаря новому переводу Библии, предпринятому Мартином Лютером в первой четверти XVI в., и книгопечатанию, которое способствовало его массовому распространению. Самые авторитетные типографии того времени, располагавшиеся в Страсбурге и Нюрнберге, начинают учитывать орфографические особенности Лютеровой Библии, а в опубликованной в 1531 г. «Орфографии» Фабиана Франка язык текстов Лютера уже признан образцовым. Однако в раздробленной и конфессионально неоднородной Германии этого было недостаточно для укрепления новой нормы правописания. Антипапские выступления Лютера и Реформация могли нивелировать или существенно снизить нормализаторское влияние его библейских переводов в католических областях, если бы он не следовал «образцу саксонской канцелярии, по крайней мере ее орфографическим (фонетическим) и грамматическим нормам» [Жирмунский 1956: 30], а та не ориентировалась бы на письменный узус императорской канцелярии.

Язык, возникший в результате такого синтеза, вытесняет региональные варианты письменных идиомов местных канцелярий. Так,

на севере Германии от использования диалектов в официальных документах частично или полностью отказываются городские канцелярии Любека (1560), Мюнстера (1561), Гамбурга (1565), Бремена (1565), Ростока (1567) и т. д. (данные приводятся по изданию [Besch, Wolf 2009: 65]). В судебном делопроизводстве ориентиром в процессуальных вопросах и в плане языкового оформления служили немецкоязычные печатные компендиумы юридического содержания, а в случае ведовских процессов к ним добавлялось изданное в 1532 г. Уголовно-судебное уложение императора Карла V (*Constitutio Criminalis Carolina*), также «продукт» императорской канцелярии. Наличие образцов для составления юридических бумаг объясняется еще и популярностью правовой литературы в XVI в.: в некоторых типографиях треть печатной продукции составляли книги по юриспруденции [Schumann 2007: 458]. К этому необходимо добавить, что зачастую дела направлялись на юридические факультеты университетов для правовой оценки показаний обвиняемых и в суды высших инстанций, располагавшиеся в городах имперского подчинения, поэтому протоколирующие, как правило, фиксировали допросы не на диалекте, а «переводили их на канцелярский язык своего времени» [Loetz 2002: 103].

В обширном исследовании [Deutsche Kanzleisprache 2005] представлены 172 протокола допросов по ведовским делам, произведенным в 139 городах Германии в последней трети XVI — первой половине XVII вв. Богатый иллюстративный материал, представленный в виде транскриптов и факсимильных фрагментов, сопровождается краткой исторической справкой по каждому фигуранту следствия, палеографической и лингвистической характеристикой документа. Анализ протоколов показал, что большинство из них составлено на надрегиональном стандарте канцелярского языка (для простоты изложения далее мы будем обозначать его *стандартом*), наблюдаемые отклонения сводятся к следующему перечню:

1. Фонетические показатели местных диалектов:

- непередвинутые согласные (*dhoeren*);
- переход *g/k > ch* перед дентальными (*gesacht*);

- спирантизация конечных согласных (*frei willich*);
- признаки смешения диалектов в контактных зонах: восточносредне немецкие формы вместо нижненемецких (*mensche, zuredunge, umbs hertze*), присутствие нижненемецких и западносредне немецких форм (*Minsch, hondt, geheischen, bedwonge, schommechers, nitt*);

2. Лексические диалектизмы: нижненемецкие (*puggen, scheper, schnuten, wit, leden, wrake*), средне немецкие (*halffman, gehayschen, döpfgen*);

3. Неустоявшийся орфографический узус или индивидуальные особенности правописания:

- заглавные буквы в середине слова или на месте слогораздела (*gewickelt, abgepfendet, SchmerPott, alsPaldt*);
- удвоение согласных в исходе слова (*viell, nhemenn, berichtenn*);
- идентичное написание строчных *a, e*;
- показатели долгот (*Jairen, haitt, hoeff*);
- конкуренция диалектных форм (*bohte / botte / bueße*);

4. Латинизмы: отдельные юридические термины или синтаксические коннекторы (*quaestion, indicia, materia, salva reverentia, item*);

5. Особенности вопросно-ответного построения:

- в репликах подсудимых сохраняются диалектизмы;
- при передаче косвенной речи встречается двойное отрицание;
- кодовые переключения со стандарта на диалект при фиксации свидетельских показаний, высказываний нарративного характера (признание в применении заклинаний и их примеры, описание ритуала).

На последнее обстоятельство указывает Ирмтрауд Реслер в статье [Rösler 1997]. Она характеризует языковую ситуацию в Мекленбурге во время ведовских процессов как медиальную диглоссию: деловая коммуникация, включая судебное делопроизводство, строится на основе стандартизированного канцелярского языка, в то время как в сфере бытового общения преобладает исключительно местный диалект. Допросы

велись на диалекте, только если языковая компетенция фигурантов дела не позволяла перейти на стандарт. Канцелярский же стиль протоколов допускал применение только стандарта, лишь в исключительных случаях для достоверности протоколисты оставляли диалектно окрашенные реплики, снабжая их переводными вариантами [Ibid.: 13–14].

3. Заговорный текст в структуре протокола допроса

В адрес делопроизводителей неоднократно звучали настойчивые просьбы соблюдать требования и «наилучший стиль нашей императорской канцелярии» (цитата по [Stegmann 2006: 58]), но сделать это было сложно при высокой загруженности и низком уровне образования членов местных судов, их инертности и нежелании нарушать устоявшиеся традиции. Формальные расхождения касались принципов структурного построения судебных документов. Порядок протоколирования зависел от последовательности вопросов дознавателей, полноты ответов и необходимости уточнений, применения пыток (в этом случае протоколирование приостанавливалось и возобновлялось по их окончании, а полученные показания записывались по памяти), привлечения свидетелей и т. п. На каждый случай имелась инструкция с перечнем вопросов, подобранных с учетом характера предъявляемых обвинений; если подозреваемый упирался, пытки повторялись, а список вопросов дополнялся.

Заговорные тексты в протоколах следствия приводятся как доказательство способности подсудимых оказывать с помощью магии воздействие на людей, предметы, объекты и явления природы с целью получения личной выгоды или нанесения вреда какому-то человеку. Язык таких включений носит смешанный характер, заметное место занимают лексические диалектизмы, нередки случаи диалектного оформления отдельных структурных частей текста. Остановимся более подробно на примере из [Deutsche Kanzleisprache 2005: 165–172], представляющем собой один из образцов протокола допроса по ведовскому делу, содержащего полные тексты заговоров.

Документ составлен в апреле 1588 г. в ратуше города Перлеберг (Бранденбург), в качестве подозреваемой привлечена Катарина Петерс, вдова Берндта Бонена, в возрасте 88-ми лет. Допрос производился по 15 пунктам на основании сведений, полученных от двух ранее обвиненных в колдовстве женщин, одна из которых — ее собственная дочь. Показания записаны рукой городского секретаря Арнольда Круземарка, почерк четкий и понятный. Текст, аккуратно разделенный на абзацы, написан на стандарте с нижненемецкими вставками. В начале протокола перечисляются 15 пунктов состава преступления, по каждому из которых Катарина Петерс дает показания. Ее реплики зафиксированы в форме не прямой речи с регулярным использованием конъюнктива, например: *sagt, es were ihr hertzlich leidt*. После ответа на 14 пункт она добавляет, что использовала заговоры и молитвы и помогла многим людям и домашнему скоту (*mit böten vnd segen sich behelffen konnte, vnd hette damit manich menschen vnd viehe geholffen*). Катарина Петерс сознается, что с помощью заклинаний также ‘может изгонять подземных существ’ (*das sie die vndererdischen, vnd erdtleute konte vortreiben*):

- (1) *⟨...⟩ höret her gi vndererdisch höret her gi auerersch, höret her gi grawen, gy grunen, schwarten, witten, bunten, wie gi sin, ob die weren geist, oder geistin, dwerg, oder dwergin, die sollen an den menschen oder viehe sein blutt nicht beginnen, oder sein fleisch nicht zu brechen, vorbeutt euch der herr Jesus, gott vater, son vnd die werde heilige geiste.*

‘⟨...⟩ слушайте вы, подземные, слушайте вы, надземные, слушайте вы, серые, вы, зеленые, черные, белые, пестрые, какие ни есть, будь то дух мужской или дух женский, карлик или карлица, они не должны человеку или скотине пускать кровь их, или калечить плоть их, это запрещает вам Господь Иисус, Бог Отец, Сын и Пресвятыя духи’ [Deutsche Kanzleisprache 2005: 170].

Заговор складывается из двух относительно самостоятельных структурных компонентов. Зачин выполняет аппеллятивную функцию, он обращен к некоторому классу изгоняемых существ, вторая часть — собственно заклинательная. Обе составляющие с различными вариациями

встречаются в других текстах, например, в заклинаниях от червей или змей, в которых перечисляются разновидности существ одного класса, а прохибитивные элементы похожим образом оформляются в заговорах от болезней. Текст неоднороден и в языковом отношении, две его части разделяются четкой диалектной границей: зачин произносится на нижненемецком диалекте, а приказ — на стандарте. Нижненемецкие формы в заклинательной части единичны и отражают, вероятно, идиостиль секретаря Арнольда Круземарка. Остается открытым вопрос, почему во время непосредственной интеракции происходит немотивированное переключение от диалекта на стандарт при переходе от зачина к заклинательной части. Это могло произойти в том случае, если протоколист записал текст по памяти и отклонился от оригинала.

Второй заговор представлен только заклинательной частью. Подследственная утверждает, что помогла вернуть украденное имущество (видимо, инструменты по домашнему хозяйству), для чего использовала такой текст:

- (2) *⟨...⟩ dieb, du soltt brengen das gerette, so du gestolen hast zur stette, gleich wie Jesu Christus vom kreutz kam zum leben, Im namen des vaters, des sons, vnd des warden heiligen geists.*
‘⟨...⟩ вор, ты должен вернуть предметы, что ты украл, на место, точно как Иисус Христос сошел с креста живой. Во имя Отца, и Сына, и истинного Святого Духа’ [Ibid.].

Данный текст неслучайно появляется на страницах протокола. Заговоры от воров очень часто служили поводом обвинить человека в попытках умышленного нанесения вреда, если целью его было не возвращение украденного, а причинение физического увечья подозреваемому в краже или присвоение чужого имущества. К тому же считалось, что подобные заклинания являются знаком черной магии, они приобретают силу только при содействии нечистой силы. К счастью для Катарини Петерс, в ее примерах связи с дьяволом не усмотрели.

В продолжении допроса упоминаются еще несколько случаев исцеления с применением заговорных текстов, но сами они не воспроизведены. Скорее всего, Катарине Петерс удалось избежать смерти на костре: ее приговаривают к ‘однократному допросу

с пристрастием, но без чрезмерного усердия' (*der scharffen fragen ein mall vnderworfen, Jedoch die geburliche maße in derselbigen nicht vberschritten*) и, видимо, отпускают. Такого исхода не было бы, если бы хоть одно слово вызвало подозрение у следователей. Известен другой текст, похожий по содержанию на заговор от подземных существ, но прямо противоположного содержания. Его публикует Якоб Гримм в третьем томе «Немецкой мифологии»:

- (3) *Wolauf elb und elbin, zwerg und zwergin, unterwärts und oberwärts, du sollst zu dem und dem, du sollst seine beine necken, du sollst sein fleisch schmecken, du sollst sein blut trinken und in die erde sinken! In aller teufel namen.*
 'Давай ж, дух мужской и дух женский, карлик и карлица, и под землей, и над землей, иди же к тому-то и тому-то, грызи его кости, кусай его плоть, испей его крови и в земле исчезни!
 Во имя всех чертей' [Grimm 1878: 502].

По всем признакам данный текст составлен как образчик всей суммы грехов, за которые осужденного за колдовство непременно следовало бы предать огню: здесь и нанесение телесного вреда человеку, и отречение от Бога, и пакт с дьяволом, и как его прямое следствие — умение повелевать мифическими существами. Перед нами типичный случай «перевертыша», когда невинный текст превращается в основной аргумент обвинения. Имеем ли мы дело с реально существовавшим когда-то заговором, сказать трудно. Гримм ссылается на публикации Готфрида Фойгта 1784 и 1792 гг., расследовавшего ведовские процессы в городе Кведлинбург в XVI–XVII вв. Он перепечатывает из протоколов допросов Магдалены Герме (1570) и Эмеренцы Шмидс (1595) примеры заклинаний, попутно «онемечивая» их. Так, Гримм признается, что посчитал нижнесаксонские диалектизмы *alfinadi* и *alfinie* (в другом тексте — *alf/elf* и *elfin*) «бессмысленными», поэтому заменил их на *alp/elb* и *elbin* [Grimm 1878: 502].

Видимо, в основе данной тематической группы лежит текст, схожий по структуре и лексическому наполнению с датированным 1622 г. заговором из мекленбургского архива Рихарда Воссидло (шифр хранения С IX 11):

- (4) *Hörst du Allefind und Allefin,
Geist und Geistin,
Zwerg und Zwergin,
Teufel und Teufelin.
ich gebiete dir N. N. hof räumen.*
Слышишь ты, дух лесной,
Дух мужской и дух женский,
Карлик и карлица,
Дьявол и дьяволица,
Я приказываю тебе убраться со двора N. N.’

В различных версиях появлялась вставка, описывающая мотив встречи святого покровителя со злыми духами. Так, в записях 1628 г. на вопрос святого, куда направляются лесные духи (*elben und alben*), те отвечают, что идут в дом N. N., чтобы испить его крови и пота и терзать его плоть (*ich will ihm saugen sein Blut und auch sein Schweiß dan wollen wir sein fleisch*). Впрочем, и сам Воссидло, а вслед за ним Адольф Шпамер, делают пометку, что публикуют не оригинальные версии, а заимствуют их из заметок В. Дилия 1900 г., отсюда и вполне современный язык текстов. Остается только предполагать, насколько кардинально Гримм, Фойгт и их последователи редактировали записи допросов, переводя фрагменты на немецкий язык своего времени, но делали они это избирательно, поскольку публиковали тексты и с диалектными элементами. Так, в следующем заговоре нарративный зачин имеет явные черты нижненемецких говоров, а закрепительная часть дана на немецком языке:

- (5) *Op unsers herrn gottes berge ist unsers herrn gottes born, in unsers herrn gottes born ist unsers herrn gottes nap, in unsers herrn gottes nappe ist unsers herrn gottes appel, liegt sente Johannis evangelium, das benimmt einem die bösen dinger. der liebe gott wolle helfen, dass es vergehe und nicht bestehe.*
‘На горе Господа Бога нашего есть источник Господа Бога нашего, в источнике Господа нашего — чаша Господа нашего, в чаше Господа нашего — яблоко Господа нашего, лежит Иоанново Евангелие, оно избавит всякого от любой напасти.

Всемиловитивый Господь да поможет, чтобы [напасть] ушла и не осталась' [Grimm 1878: 502].

Процессы против Катарины Петерс, Магдалены Герме и Эмеренцы Шмиде объединяет несколько обстоятельств. Они проходили примерно в один и тот же период с разницей в несколько лет в близлежащих регионах Германии. Местные суды были осведомлены о делопроизводстве своих соседей, в отдельных местностях практиковалось привлечение к процессам наиболее опытных следователей, протоколистов и даже палачей из других городов (об этом более подробно [Quensel 2017]). Протоколист мог одновременно вести допрос и записывать показания, используя для ускорения рутинных процедур заготовки из предыдущих дел, отчего и возникает ощущение, что отдельные структурные элементы протоколов являются компиляциями. Не исключено, что документы дознания дополнялись или переписывались постфактум, копии некоторых актов «существенно отличаются по полноте и точности воспроизведения ответов обвиняемых» от их оригиналов [Deutsche Kanzleisprache 2005: 165]. В ряде случаев сам допрашиваемый «утверждал, что переписал заговоры для домашних нужд и наизусть сказать их не может» [Siller 1982: 127], поэтому протоколисты выписывали тексты из изъятых во время обыска магических книг и рукописных тетрадей. Такая практика допускала известную вольность при последующем изложении сведений в судебных актах и отчасти объясняет языковую специфику зафиксированных заговоров.

4. Протоколы допросов как поликодовый текст

В судебных документах ведовских процессов так или иначе представлены и местные диалекты, и надрегиональный языковой стандарт. Переход с одного кода на другой происходит не по прихоти или небрежности протоколиста, а зависит от специфики делопроизводства местных канцелярий, адресной направленности подготавливаемых актов и конкретных задач судебного процесса.

4.1. Пример № 1. Лицо: Анна Кокес. Место: г. Фленсбург (Шлезвиг). Год: 1608

Протокол допроса Анны Кокес, состоявшегося 29 апреля 1608 г., озаглавлен лаконично и емко: *Anna Kockes Ein Zeuberinne* ('Анна Кокес Колдунья'). В 20 пунктах обвинения описываются все ее колдовские деяния, которые в явном виде указывают на связь подсудимой с дьяволом: черная магия с целью нанести вред людям, совершение абортов, прелюбодеяние с нечистой силой, участие в шабаше. Текст написан аккуратным, ровным и понятным почерком. Канцелярия г. Фленсбург окончательно перешла на канцелярский стандарт в судебном делопроизводстве не ранее 1640–1660 гг., поэтому протокол составлен на диалекте за исключением редких верхненемецких канцеляризмов.

Протоколист фиксирует признания Анны Кокес в неоднократном употреблении магических слов и заклинаний, которые закреплялись не именем Господа, а призывом к дьяволу. Так, в пункте 9 обвинительного списка указано, что она наколдовала болезнь некой Катерине Ясперс, проговорив заклинание:

- (6) <...> *Ligge vnd Schwinde vnd Krich Nimmer Rast vnd Row ihn des Bosen Nhame.*
'Лежи и иссохни и никогда не имей ни покоя, ни сна во имя нечистого' [Deutsche Kanzleisprache 2005: 29].

Данный фрагмент представляет собой типичную заклинательную формулу, которая произносится для изгнания болезни. Как правило, больного обвязывают лентой (шнурком) или прикладывают к нему кусок материи, на которые символически переносится болезнь. Знахарь должен уничтожить (закопать, утопить) предмет, впитавший в себя недуг, и прошептать соответствующие слова. Об этом и сообщают свидетели в ходе следствия, посчитавшие, что слова Анны Кокес обращены не к болезни, а непосредственно к больному и звучат как наговаривание болезни, то есть как умышленное причинение вреда человеку. Как и в примерах выше, здесь мы снова сталкиваемся с текстом-«перевертышем» с той лишь разницей, что результат достигается

не сменой прохибитива на волонтактив (например, путем устранения отрицания), а перемещением самого заклинания в криминальный контекст. Для усиления эффекта Анне Кокес также приписывают и обращение к нечистой силе как прямое доказательство ее пакта с дьяволом.

4.2. Пример № 2. Лицо: Трине Польхов, урожденная Фильхютен. Место: г. Гюстров (Мекленбург). Год: 1615

В качестве обвиняемой выступает Трине Фильхютен, по мужу прозванная «Польховиха», 84 лет, родом из округа Глазевиц, привлеченная к суду по многочисленным свидетельствам колдовства, в том числе якобы с причинением вреда. Протокол составлен нотариусом Николаусом Вихманом на стандарте, в тексте встречаются единичные диалектизмы, местами они сопровождаются «оверхненемеченными» дублетами. Орфографическая норма канцелярского языка, по-видимому, сформировалась не окончательно, о чем свидетельствует написание слов *eigenartigk*, *geleugknet*, *verplieben*.

Уже в первой части, где перечисляются 54 пункта обвинения в адрес Польховихи, одними из первых (пункты 3 и 4 протокола) приводятся два заговора. В документе, написанном на почти безупречном языке канцелярии, заговорные тексты даны на нижненемецком диалекте без перевода или комментария. После вводной формулы «Правда ли, что Трина Фильхютен (...) использовала такой заговор / заговаривала болезнь такими словами» помещены сами тексты. Оба заговора начинаются с упоминания имен просящих об излечении домашнего скота, затем сразу же идет заклинательная часть. Построение с повторами и перечислениями напоминает тип заклинания с мотивом изгнания болезни или паразитов (например, червей) из тела больного:

(7) *⟨...⟩ bötte dieses Viehes wedage van leden tho leden, van steden to steden van huden tho huden alß Maria börede vp den Pleuß und botte dieses Vehes wedage.*

‘⟨...⟩ исцеляю этой скотинки хворь, от сустава к суставу, от раны к ране, от кожи к коже, как Мария укрывла ризой и исцелила этой скотинки хворь’ [Deutsche Kanzleisprache 2005: 157].

Первый заговор дан в усеченном виде. Вероятно, во время допроса Трине Фильхютен задают наводящие или уточняющие вопросы, знает ли она полную версию и чьим именем изгоняется болезнь, в надежде, что прозвучит нечто крамольное. Однако во втором тексте лишь добавляются элементы перечисления и усиливается заклинательная часть обращением к силе Триединства:

- (8) *⟨...⟩ bote ick dienes vehlens wedage van edern tho ederen van ledden to lehden, van stenen to stehnen van heden tho har, van lungen to leuer van harte tho harte, van blode tho blode so wisse vnnd so wahr schal disse bote sein als die leue Jungkfraw Maria borede vp ere krefftige handt, darmit botte sie des Vehlens wedage, In dem nahmen des Vaders Vnnd des Sohns vnd des hilligen geistes Amen.*

‘⟨...⟩ заклинаю этой скотинки хворь, от жилы к жилам, от сустава к суставам, от кости к костям, от кожи к волосам, от легкого к печени, от сердца к сердцу, от крови к крови, таким же правым и истинным пусть это заклинание будет, когда благая Дева Мария воздела вверх свою владычную руку, этим заговорила она скотинки хворь. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь’ [Ibid.].

Не добившись обвинительных показаний, протоколист сохраняет для достоверности оба заговора на диалекте. Протокол мог впоследствии быть направлен на экспертизу богословам в университет г. Росток, от которых уже зависел окончательный вердикт в виновности подсудимой на основании зафиксированных признаний.

4.3. Пример № 3. Лицо: Доротея Дункерс. Место: г. Кривиц (Мекленбург). Год: 1642

В документе запротоколирован допрос от 7 марта 1642 г. трех женщин, обвиненных в колдовстве. Одна из них, Доротея Дункерс, признается, что умеет заговаривать болезни, и в качестве доказательства в протоколе фиксируются примеры. Текст написан

на общенемецком стандарте, почерк ровный и понятный. В отдельных местах все же имеются рефлексy нижненемецких и восточно-средненемецких диалектов. Это проявляется, в частности, в написании диграфа *-gk* в ауслауте и наличии лексических дублетов.

Изначально Доротея Дункерс отрицает всякую причастность к ведовству. Однако после угроз со стороны королевского управляющего подвергнуть ее допросу с пристрастием в случае упорства она отвечает, что ни к какому колдовству не причастна, но «умеет исцелять хворь такими словами»:

- (9) *Petrus vnd Paulus gingen aus das kraut zusuchen, damit wolten sie das heilige dingk stillen vnd böten, do begegnete ihnen der herr Christus, Stehe Petrus Paulus, das kraut ist gefunden, die glocken sein geklungen, die Meßen sein gesungen, alle Ewangelia sein gelesen darmit stille ich dies heilige dingk sowol gelesen, du solt nicht eken du solt nicht steken, alß die wehrten heiligen funff wunden.*
 ‘Петр и Павел шли траву искать, чем хотели они болячку излечить и заговорить, и вот встретился им Господь Христос. Стой, Петр Павел, трава нашлась, колокола отзвенели, Мессы пропеты, все Евангелия прочитаны. Этим излечу я болячку так же, как [Евангелия] читаны, ты не должна ни болеть, ни воспаляться, как и драгоценные святые пять ран’ [Deutsche Kanzleisprache 2005: 149].

В продолжении Доротея Дункерс произносит заговор от инсульта (апоплексического удара):

- (10) *Diesen schlag beneme der Man, der zu Nazareth genöhmet ist, vnd zu Betlehemb gebohren ist, vnd zu Jordan getauffet ist, im nahmen des Vaters, Sohns Vnd deß heiligen Geistes.*
 ‘Сей удар пусть заберет человек, что в Назарете наречен был, и в Вифлееме рожден был, и в Иордане крещен был, во имя Отца, Сына и Святого Духа’ [Ibid.].

Оба текста записаны на стандарте, они известны и по другим источникам, в архивных собраниях фольклора заговоры данного типа составляют наиболее обширную группу. Диалектное оформление

имеет прохибитивная часть первого примера (*du solt nicht eken, du solt nicht steken*), параллели мы находим и в более поздних списках (например, в архиве Рихарда Воссидло в Ростоке). Доротея Дункерс могла знать тексты наизусть либо указала на сборники своего времени, в которых подобные вещи уже публиковались, а протоколист затем включил их в документ. Следующий за ними заговор от боли (в сердце, в груди и т. п.) фиксируется уже на смешанном диалекте, нижненемецкие элементы чередуются с немецкими:

- (11) *Hertzspann schame dy de fui dick an de Jage di, Schakestu di nicht sehr, so Jage ick di velemehr, im nahmen des Vaters Sohns vnd heiligen Geistes.*
 ‘Болячка, стыд и позор тебе, я прогоняю тебя. Ежели не уйдешь ты тотчас, то силою прогоню тебя, именем Отца, Сына и Святого Духа’ [Ibid.].

Текст начинается с обращения к болезни, дается ее народное обозначение с фонетическими признаками верхненемецкого передвижения $t > z$. Заклинательная фраза двухкомпонентная (устыжение и изгнание болезни), приведена на местном диалекте; закрепительная часть стандартная, оформлена на немецком языке. В сборнике нижненемецких заговоров [Staak 1931] встречаются похожие фрагменты, например, запись № 255 содержит нижненемецкую формулу устыжения: *Refkow schäm di, schämst di nich, schäm ick di*. Аналогичный зачин наблюдается в другом тексте из протокола следствия 1621 г., который хранится в картотеке архива Адольфа Шпамера (шифр хранения «Herzgespann (IA) № 00115»). Заговор записан преимущественно на нижненемецком диалекте за исключением отдельных верхненемецких форм:

- (12) *Herzspann, schame di,
 Mine vive de driven und jagen di.
 So du di nicht schakest oder schamest,
 So will ick di mit Gades seinem hilligen vijf wunden vorjagen.*
 ‘Болячка, стыдись,
 Своими пятью пальцами выдавливаю тебя и прогоняю тебя.

*А если ты не уйдешь или не устыдишься,
То прогоню тебя именем Бога и его пятью святыми ранами’.*

С точки зрения средневековой криминальной юстиции, в ответах Доротеи Дункерс не содержится ничего преступного либо богохульного. Но, видимо, страх перед пытками заставил подсудимую признаться в том, что она (хоть и не по своей воле, а по наущению двух других женщин) пыталась заключить пакт с нечистой силой, для чего в определенном месте на холме, взявшись за палку (вероятно, черенок метлы), должна была отречься от истинного Бога при помощи следующей клятвы:

- (13) *Hie greiffe ich an diesen stock, vnd verlaße Marien vnd den lieben Gott.*
 ‘Здесь держу я эту палку и отрекаюсь от Марии и любимого Бога’ [Deutsche Kanzleisprache 2005: 150].

Формулы отречения фиксируются на немецком языке во многих протоколах вне зависимости от того, как их произносили сами обвиняемые. Как отмечается в работе [Hille 2009: 147–148], для протоколов важен был факт наличия подобной клятвы и ее формальное соответствие расхожим образцам. Фактически наметился переход «от дословных цитат и клише — к стереотипным моделям, допуская значительную свободу языкового варьирования» [Бондарко 2011: 592]. Подобные модели-образцы, в свою очередь, группировались по региональному принципу: нижненемецкие формулы заметно отличались от средне- и южнонемецких отсутствием прямой отсылки на связь с дьяволом, а также ритмической организацией строфы и рифмой, что сближало их с заклинаниями.

5. Заключение

Вопрос о месте и роли заговорных текстов в протоколах допроса, типологической идентификации заговоров с историко-лингвистической точки зрения требует более детальной и глубокой проработки

с привлечением обширного текстового корпуса. На конкретных примерах мы продемонстрировали возможный вектор направления исследований и предложили учитывать такие факторы, как:

- а) социально-политический контекст, влиявший на ход судебного процесса в целом;
- б) компетентность и индивидуальные интенции вовлеченных лиц (обвиняемый, дознаватель, судья, адвокат, свидетели и пр.);
- в) языковые особенности региона, характер взаимодействия официального языка делопроизводства и местных диалектов;
- г) формальные типологические и содержательные характеристики заговоров, стабильность и трансформационный потенциал структуры текста.

Отдельные аспекты рассмотренной проблематики затрагиваются в ряде работ последних десятилетий (ср., в частности, [Macha 2008; Rösler 2006; Siller 1982; Карпов 2020]), однако установление подлинности языковых фактов, приведенных в доступных для анализа документах, по-прежнему остается одной из важных задач исторического языкознания и фольклористики.

Литература

- Бондарко 2011 — Н. А. Бондарко. Взаимодействие устной и письменной традиций в немецких медитативных молитвах XIII–XIV веков // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011. Т. VII. Ч. 1. С. 573–613.
- Жирмунский 1956 — В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Карпов 2020 — В. И. Карпов. Фольклор и книжная культура в Германии Нового времени (на примере сборников немецких заговоров XVI–XX вв.) // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2020. Т. 6. № 2. С. 122–132.
- Besch, Wolf 2009 — W. Besch, N. Wolf. *Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009.
- Deutsche Kanzleisprache 2005 — J. Macha (ed.). *Deutsche Kanzleisprache in Hexenverhörprotokollen der Frühen Neuzeit*. Bd. 1: Auswahledition. Bd. 2:

- Kommentierte Bibliographie zur regionalen Hexenforschung. Berlin; New York: De Gruyter, 2005.
- Grimm 1878 — J. Grimm. Deutsche Mythologie. Vierte Ausgabe. Bd. III. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1878.
- Hille 2009 — I. Hille. Der Teufelspakt in frühneuzeitlichen Verhörprotokollen: Standardisierung und Regionalisierung im Frühneuhochdeutschen. Berlin: De Gruyter, 2009.
- Loetz 2002 — F. Loetz. Mit Gott handeln: von den Zürcher Gotteslästerern der Frühen Neuzeit zu einer Kulturgeschichte des Religiösen. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.
- Macha 2008 — J. Macha. Regionalität und Syntax: Redewiedergabe in frühneuhochdeutschen Verhörprotokollen // R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove (eds.). Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht. (Studia Linguistica Germanica 65). Berlin; New York: De Gruyter, 2008. P. 181–202.
- Quensel 2017 — S. Quensel. Hexen, Satan, Inquisition. Die Erfindung des Hexen-Problems. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2017.
- Rösler 1997 — I. Rösler. Ich soll als eine Zauberin vorbrannt werden. Zur Widerspiegelung populären Zauberswissens in mecklenburgischen Hexenprozeßprotokollen und zur Sprachform der Verhörprotokolle // D. Harmening, A. Rudolph (eds.). Hexenverfolgung in Mecklenburg: regionale und überregionale Aspekte. Dettelbach: Verlag Dr. Röhl, 1997. P. 167–190.
- Rösler 2006 — I. Rösler. Sprachwechsel in Mecklenburg // Niederdeutsches Jahrbuch. 2006. № 129. P. 139–156.
- Schumann 2007 — E. Schumann. Beiträge studierter Juristen und anderer Rechtsexperten zur Rezeption des gelehrten Rechts // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Goettingen. 2007. Vol. 28. P. 443–461.
- Siller 1982 — M. Siller. Zauberspruch und Hexenprozeß. Die Rolle des Zauberspruchs in den Zaubers- und Hexenprozessen Tirols // W. M. Bauer, A. Masser, G. Plangg (eds.). Tradition und Entwicklung. Festschrift Eugen Thurnher. Innsbruck: Universität Innsbruck Institut für Sprachen und Literaturen, 1982. P. 127–154.
- Staak 1931 — G. Staak. Beiträge zur magischen Krankheitsbehandlung. Die magische Krankheitsbehandlung in der Gegenwart in Mecklenburg. Wismar: Hermann Rhein Verlag, 1931.
- Stegmann 2006 — K. Stegmann. Die gefangene leugnet alles. Untersuchungen zu Entstehungsbedingungen und Ausprägungen frühneuzeitlicher Hexenverhörprotokolle. Magisterarbeit der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster, 2006.

References

- Bondarko 2011 — N. A. Bondarko. Vzaimodeystvie ustnoy i pismennoy traditsiy v nemetskikh meditativnykh molitvakh XIII–XIV vekov [Interaction of oral and written traditions in German meditative prayers of the 13th–14th centuries]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011. Vol. VII. Iss. 1. P. 573–613.
- Zhirmunskij 1956 — V. M. Zhirmunskij. *Nemetskaya dialektologiya* [German Dialectology]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1956.
- Karpov 2020 — V. I. Karpov. Folklor i knizhnaya kultura v Germanii Novogo vremeni (na primere sbornikov nemetskikh zagovorov XVI–XX vv.) [Folklore and book culture in Germany of New Age (the Case of collection of medical charms, the 16th–20th centuries)]. *Research result. Theoretical and applied linguistics*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 122–132.
- Besch, Wolf 2009 — W. Besch, N. Wolf. *Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009.
- Deutsche Kanzleisprache — J. Macha (ed.). *Deutsche Kanzleisprache in Hexenverhörprotokollen der Frühen Neuzeit*. Bd. 1: Auswahledition. Bd. 2: Kommentierte Bibliographie zur regionalen Hexenforschung. Berlin; New York: De Gruyter, 2005.
- Grimm 1878 — J. Grimm. *Deutsche Mythologie*. Vierte Ausgabe. III. Bd. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1878.
- Hille 2009 — I. Hille. *Der Teufelspakt in frühneuzeitlichen Verhörprotokollen: Standardisierung und Regionalisierung im Frühneuhochdeutschen*. Berlin: De Gruyter, 2009.
- Loetz 2002 — F. Loetz. *Mit Gott handeln: von den Zürcher Gotteslästerern der Frühen Neuzeit zu einer Kulturgeschichte des Religiösen*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.
- Macha 2008 — J. Macha. Regionalität und Syntax: Redewiedergabe in frühneuhochdeutschen Verhörprotokollen. R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove (eds.). *Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht*. (Studia Linguistica Germanica 65). Berlin; New York: De Gruyter, 2008. P. 181–202.
- Quensel 2017 — S. Quensel. Hexen, Satan, Inquisition. Die Erfindung des Hexen-Problems. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2017.
- Rösler 1997 — I. Rösler. Ich soll als eine Zauberin vorbrannt werden. Zur Widerspiegelung populären Zauberwissens in mecklenburgischen Hexenprozeßprotokollen und zur Sprachform der Verhörprotokolle. D. Harmening, A. Rudolph (eds.). *Hexenverfolgung in Mecklenburg: regionale und überregionale Aspekte*. Dettelbach: Verlag Dr. Röhl, 1997. P. 167–190.

- Rösler 2006 — I. Rösler. Sprachwechsel in Mecklenburg. *Niederdeutsches Jahrbuch*. 2006. № 129. P. 139–156.
- Schumann 2007 — E. Schumann. Beiträge studierter Juristen und anderer Rechtsexperten zur Rezeption des gelehrten Rechts. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen*. 2007. Vol. 28. P. 443–461.
- Siller 1982 — M. Siller. Zauberspruch und Hexenprozeß. Die Rolle des Zauberspruchs in den Zauber- und Hexenprozessen Tirols. W. M. Bauer, A. Masser, G. Plangg (eds.). *Tradition und Entwicklung. Festschrift Eugen Thurnher*. Innsbruck: Universität Innsbruck Institut für Sprachen und Literaturen, 1982. P. 127–154.
- Staak 1931 — G. Staak. *Beiträge zur magischen Krankheitsbehandlung. Die magische Krankheitsbehandlung in der Gegenwart in Mecklenburg*. Wismar: Hermann Rhein Verlag, 1931.
- Stegmann 2006 — K. Stegmann. *Die gefangene leugnet alles. Untersuchungen zu Entstehungsbedingungen und Ausprägungen frühneuzeitlicher Hexenverhörprotokolle*. Magisterarbeit der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster, 2006.